

250 ЛЕТ АКАДЕМИИ НАУК СССР И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

В нынешнем году вся наша страна отмечает 250-летний юбилей Академии наук СССР. Для науки древней истории, как и для других дисциплин, это знаменательная дата: с учреждения Академии наук и ведет свое начало в нашей стране изучение древней истории.

В утвержденном Петром I проекте положения об Академии наук и художеств предусматривалось подразделение Академии на три класса: математический, физический и гуманитарный. В составе третьего класса с самого начала намечалось существование кафедры древней истории: «Третий класс состоял бы из тех членов, которые в гуманиорах и прочем упражняются. И сие свободно бы трем персонам отправлять можно: первая б — элоквенцию и студиум антиквитатис обучала, 2 историю древнюю и нынешнюю, а 3 право натуры и публичное, купно с политикою и этикою (ндравоучением)»¹.

Особенностью основанной в 1724 г. Петербургской Академии наук было то, что она, наряду с научной, одновременно должна была исполнять и функцию образовательную: при Академии создавались университет и гимназия, преподавателями в которых должны были стать соответственно академики и их ученики — адъюнкты. Это положение с самого начала обусловило решающую роль Академии наук как в организации и проведении научных изысканий, так и в подготовке необходимых кадров.

Петербургская Академия наук стала *alma mater* науки древней истории в России. Академическая кафедра древней истории начала свое существование одной из первых. В объявлении о публичных лекциях новых академиков в январе 1726 г. вторым после знаменитого математика Д. Бернулли значится Г. З. Байер, «антиквитетов профессор».

С именем академика Байера связано начало отечественного востоковедения и антиковедения. Г. З. Байер был выдающимся представителем нового, только еще рождавшегося в XVIII в. критического направления. Его исследования в области древней истории были посвящены, как правило, темным и еще не изученным вопросам исторической географии, этногенеза и хронологии. Работы такого рода как бы расчищали дорогу для последующего исследования политической и социальной истории древнего мира. Живо интересуясь языками и историей Китая, Индии и других восточных стран, Байер придавал большое значение изучению тех районов, где происходило взаимодействие древневосточной и античной цивилизаций. Монографии Байера, посвященные истории Эдессы² и Греко-бак-

¹ «История Академии наук СССР», т. I, М. — Л., 1958, стр. 431.

² Th. S. Bayer, *Historia Osrhoena et Edessena ex numis illustrata*, Petropoli, 1734.

трийского царства³, могут рассматриваться как далекое предвосхищение новейших штудий по эллинизму. Байер был первым исследователем, который всерьез занялся изучением происхождения и расселения скифских племен, историей их отношений с греческими городами Северного Причерноморья, судьбою тех и других в позднеантичную эпоху. В его статьях мы находим первоначальную подборку и анализ свидетельств античных авторов — и в первую очередь Геродота — о Скифии⁴.

С именем Байера связывают и зарождение отечественного научного востоковедения. Возглавляя кафедру восточных древностей и языков в Академии, он опубликовал ряд исследований по истории Кавказа и Ближнего Востока. Именно в работах Байера впервые определилась мысль о значении восточных источников для русской истории.

Исследовательская и преподавательская деятельность Байера оставила заметный след в истории русской науки и просвещения. Под руководством Байера совершенствовал свои познания в древних языках и истории А. Д. Кантемир. Автор оригинальных сатир, Кантемир выполнил также ряд переводов, положивших начало освоению наследия античной поэзии. Над переводами Анакреонта и Горация, например, вслед за Кантемиром трудились многие выдающиеся представители русского классицизма: В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, М. М. Херасков, И. Ф. Богданович и др.

Обстоятельства после смерти Байера не слишком благоприятствовали развитию академической науки древней истории: у него не нашлось достойного преемника, к тому же по новому уставу 1747 г. гуманитарный класс был исключен из Академии наук. Однако в академическом университете сохранялось изучение наук гуманитарного цикла. Много содействовала сохранению гуманитарной традиции в Академии наук деятельность двух выдающихся русских филологов В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова. Тредиаковский первым из русских стал академиком-филологом: в 1745 г. он был назначен профессором «как латинской, так и российской элоквенции». Заслугой Тредиаковского была прежде всего разработка принципов прозаического и стихотворного перевода. Особое значение имели сделанные Тредиаковским по заказу Академии наук переводы исторических трудов французских ученых Ш. Роллена и Ж. Кревье. «Древняя история» Роллена, «Римская история» Роллена и Кревье и, наконец, «История о римских императорах» Кревье давали подробное и вместе с тем популярное изложение древней истории. В России в переводе Тредиаковского они стали важными источниками знаний о древневосточном и античном мире. Не менее велико в этом плане было значение работ М. В. Ломоносова. В своей «Риторике» (1748 г.) он дал русским людям замечательное руководство по стилистике, пронизанное нормами античного красноречия. Он создал популярнейшее изложение русской истории («Древняя российская история», 1758 г.), исходным пунктом для которого послужил закат античной цивилизации, а первыми источниками — сообщения античных авторов. Наконец, он оставил (главным образом все в той же «Риторике») превосходные образцы действительно художественных переводов. За Ломоносовым выступает уже целая плеяда блестящих русских переводчиков, чьи труды содействовали усвоению отечественной литературой античного наследия (Н. Н. Поповский, И. С. Барков и др.).

Известен интерес Ломоносова и к Востоку. Он мечтал о создании специального Восточного общества, «Ориентальной Академии». В представленном им в 1764 г. проекте «Новое примерное распределение и учрежде-

³ Th. S. Bayer, *Historia regni Graecorum Bactriani etc., Petropoli*, 1738.

⁴ Статьи Байера печатались в «Записках Петербургской Академии наук» («Commentarii Academiae scientiarum imp. Petropolitanae» на латинском языке.)

ние Санкт-Петербургской Академии наук» предусматривалось создание при Академии специального исторического класса с кафедрами истории, юриспруденции и восточных языков.

Общественный подъем начала XIX в. дал новый толчок развитию гуманитарных наук, в том числе и таких, которые были связаны с изучением древности. Согласно новому академическому регламенту, принятому в 1803 г., история вновь была включена в круг дисциплин, разработкой которых должна была заниматься Академия наук. Позднее уставом 1836 г. было определено существование специальных разрядов греческих и римских древностей, истории и словесности азиатских народов. Хотя в подготовке научных кадров теперь все большее значение приобретают новые университеты (к основанному еще в 1755 г. Московскому университету в начале XIX в. прибавляются университеты в Дерпте, Харькове, Казани и Петербурге), Академия наук по-прежнему остается главным исследовательским центром, инициатором всех крупных научных предприятий. По ее инициативе было предпринято первое научное обследование Крыма (экспедиция академика П. С. Палласа, 1793—1794 гг.). Начавшиеся вслед за этим археологические изыскания, связанные с именами П. А. Дюбрюкса, И. П. Бларамберга, И. А. Стемповского и П. И. Кеппена, в свою очередь стимулировали развитие академической науки древней истории. Это отчетливо видно в деятельности официальных представителей академического антиковедения XIX в. Так, академик Е. Е. Келер, чьи главные интересы лежали в области античного искусства и археологии, в целом ряде своих статей касался истории древних городов Причерноморья. Особое значение имели написанные им для Академии наук критические разборы сочинений Д. Рауль-Рошетта и П. И. Кеппена о северопричерноморских древностях. Вскрывая неточности, допускаемые археологами при описании древних памятников, Келер подчеркивал необходимость самого тщательного и всестороннего анализа каждой новой вещи или надписи. Он сам дал высокие образцы такого анализа разбором ряда надписей, в частности, знаменитого ольвийского декрета в честь Протогена⁵. С полным основанием позднейшие русские исследователи могли говорить о Келере, что он «положил основание изучению древностей, находимых на юге России, и поднял его на высокую ступень строгой научной отчетливости»⁶.

Вслед за Келером обратились к изучению причерноморских древностей, особенно надписей, и другие петербургские академики. Ф. Б. Грефе издал с подробными комментариями ряд греческих надписей, найденных в Северном Причерноморье⁷. Л. Э. Стефани, так много сделавший для изучения античных коллекций Эрмитажа и Павловска, систематически печатал обзоры, посвященные археологическим и эпиграфическим находкам на юге России. Ему принадлежит и публикация надписей во II томе знаменитых «Древностей Веспора Киммерийского» (СПб., 1854).

Развитию академических занятий древней историей немало способствовала деятельность двух выдающихся представителей университетской науки — М. С. Куторги и П. М. Леонтьева, которые как члены-корреспонденты были тесно связаны с Академией наук. М. С. Куторга, по общему признанию, был «первым самостоятельным русским исследователем

⁵ Важнейшие работы Келера были позднее собраны и переизданы по поручению Академии наук Л. Стефани: Н. К. Е. К ö h l e r, *Gesammelte Schriften*, Bd. I—VI, St. P., 1850—1853.

⁶ П. М. Л е о н т ъ е в, Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря, «Прописи», кн. 1, М., 1851, отд. II, стр. 72.

⁷ Fr. G r a e f e, *Inscriptiones aliquot graecae nuper repertae restituuntur et explicantur*, Petropoli, 1841.

в области древнегреческой истории»⁸. С ним связано в России начало систематического изучения кардинальных проблем античной истории. В своих ранних работах Куторга исследовал один из самых сложных вопросов истории архаических Афин — эволюцию древнейшей племенной организации и возникновение первых сословий. Замечательной чертой этих исследований было стремление вскрыть диалектический процесс развития; за социальной, в данном случае сословной борьбой Куторга определенно признавал решающее значение в процессе образования афинского государства. Последующие работы Куторги были посвящены политической истории Греции классического периода. Наиболее крупные из них — «История Афинской республики от убийства Иппарха до смерти Мильтиада» (СПб., 1848) и «Персидские войны» (СПб., 1858). Наряду с политической, Куторга глубоко изучал социальную историю древности. Особенно обращает на себя внимание его интерес к истории низших классов древнегреческого общества. Этой теме было посвящено фундаментальное исследование «Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике», изданное уже после смерти автора. Куторга был одним из первых, кто оценил принципиальное значение темы полиса, ставшей столь актуальной в наше время. Эта тема разработана им в другом обширном исследовании, также изданном посмертно: «Афинская полиция, ее состав, свойство и всемирно-историческое значение»⁹. В своих исследованиях Куторга касался и вопросов истории древнего Востока. Так, работа «Влияние Востока на развитие греческой образованности» включала главы о Финикии и Персии.

Значительным был вклад в науку древней истории и П. М. Леонтьева. Диапазон его интересов был очень широк; он писал о древнегреческой религии, об античной скульптуре и архитектуре, о северопричерноморском Танаисе. Ему принадлежит первая в русской литературе работа по аграрной истории Рима — «О судьбе земледельческих классов в древнем Риме» (М., 1861). Леонтьев много сделал для расширения и популяризации античных штудий в России. В 50-х годах XIX в. им было предпринято издание «Прописеев» — периодически выходившего в свет сборника статей по античному искусству, литературе и истории, прообраза будущих специальных журналов. Впрочем то, что делал Леонтьев в интересах науки о классической древности, не всегда было продиктовано одной лишь заботой о науке; консерватор по убеждению, Леонтьев видел в классическом образовании средство борьбы с распространением материалистических идей.

Первая половина XIX в. отмечена также возросшим интересом к Востоку. Востоковедение получило официальное признание в Академии с 1830 г. По «Дополнительным пунктам к Регламенту» было выделено два места ординарных академиков «для истории и словесности азиатских народов». Как показывает уже это определение их специализации, «восточные словесности и древности» изучались нерасчлененно, в связи с чем вырабатывается особый тип ориенталиста-энциклопедиста, какими и впоследствии славилась русская школа. Первым из таких ученых можно считать академика Х. Д. Френа, выдающегося знатока мусульманского Востока, историка, лингвиста, археолога и нумизмата. С его именем связано основание Азиатского музея Академии наук, сыгравшего большую роль в развитии русского востоковедения. Из первых академиков-ориен-

⁸ В. П. Бузескул, *Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века*, ч. 1, Л., 1929, стр. 100.

⁹ Обе названные монографии опубликованы в составе посмертного «Собрания сочинений М. С. Куторги» (2 тома, СПб, 1894—1896).

талистов следует упомянуть также ираниста и арабиста Б. А. Дорна, монголоведа Я. И. Шмидта, зачинателя научной буддологии в России.

В 1841 г. при историко-филологическом отделении Академии учреждается специальный разряд восточной словесности и языкознания. Востоковедение в системе Академии начинает оформляться в особую дисциплину. Оно было представлено индологами академиком О. Н. Бетлингом (выпустившим в 1855—1874 гг. фундаментальный словарь санскритского языка) и адъюнктом Р. Х. Ленцем, кавказоведами А. М. Шенгренем и М. И. Броссе. Большой вклад в изучение словесности и истории народов Дальнего Востока и Средней Азии внес синолог и тибетолог член-корреспондент Академии наук Н. Я. Бичурин, чьи работы («Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», в трех частях, СПб., 1851 и др.) не потеряли значения до сих пор.

В 1855 г. в России появляется новый значительный центр востоковедения — Восточный факультет при Петербургском университете. Его программа предусматривала преподавание 14 языков, литературы и истории народов Востока. Работа факультета была тесно связана с Академией наук (в 70—80-х гг. здесь преподавали трое из четырех академиков-востоковедов), что способствовало образованию единой школы востоковедения и расцвету этой отрасли отечественной науки.

Начало этого расцвета связывают обычно с именем академика В. Р. Розена (1849—1908), ученого необычайно широких знаний и интересов (блестящий арабист, он занимался также Византией, Кавказом, тюрками и многим другим), организаторских способностей (он, в частности, был основателем и редактором «Записок Восточного отделения Российского археологического общества») и талантливейшим педагогом. За годы преподавания в Петербургском университете, где он был профессором, а затем и деканом восточного факультета, В. Р. Розен воспитал плеяду первоклассных ориенталистов — в числе его учеников были В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, Н. Я. Марр, И. А. Медников, А. Э. Шмидт. Одновременно с В. Р. Розеном в Академии работали такие крупнейшие востоковеды как иранист акад. К. Г. Залеман, тюрколог акад. В. В. Радлов, специалист по Дальнему Востоку акад. В. П. Васильев. Следует упомянуть и некоторых из членов-корреспондентов Академии наук: таких как арменовед и ассириолог К. П. Патканов (1833—1885), один из первых исследователей урартских памятников; как учитель Б. А. Тураева египтолог О. Э. Лемм, ученый хранитель Азиатского музея Академии наук.

Характерной чертой в развитии академического востоковедения была дальнейшая его дифференциация и выделение ряда новых дисциплин: ассириологии, гебраистики и других. Новые элементы обнаруживаются не только в предмете, но и в методике исследования. Крупнейший ориенталист акад. В. В. Бартольд не был специально исследователем древности, но он должен быть упомянут здесь, так как очень много сделал для отечественного востоковедения, в частности, одним из первых он стал уделять особое внимание экономической истории и вопросам социально-сословной структуры обществ. Своеобразнейшей фигурой в нашей науке был акад. Н. Я. Марр — филолог, археолог, этнограф, педагог, организатор науки. Его научные увлечения и вызванные ими ошибки известны. Следует отметить, однако, не только значение его конкретных работ в области кавказоведения, не только раскопки урартских памятников в районе оз. Ван (в которых деятельно участвовал и И. А. Орбели), но и стремление к комплексной постановке вопросов языкознания, истории духовной и материальной культуры. Наконец, следует назвать здесь и индолога С. Ф. Ольденбурга. Научно-организационная деятельность этих троих

ученых полностью развернулась уже после Великой Октябрьской революции. Заметную роль в развитии отечественной науки о древнем Востоке сыграл акад. П. К. Коковцов. Ученик члена-корреспондента Академии Д. А. Хвольсона, крупнейший знаток всей группы семитских языков и их письменностей, он стал создателем русской научной школы семитологов.

Говоря об изучении истории древнего Ближнего Востока в целом, настоящим основателем русской школы следует назвать академика Б. А. Тураева. Один из самых выдающихся египтологов своего времени он был оригинальным исследователем и в других областях древней истории. Его обобщающий двухтомный труд «История древнего Востока» (СПб., 1911—1912) охватывал историю обширнейшего региона с широтой, неизвестной ни до того, ни долгие годы спустя. История древнего Востока предстала в нем как единый процесс. Несмотря на устарелость общих методологических представлений автора, на огромное количество новых данных, вошедших после нее в науку, «История» Б. А. Тураева сохраняет значение и сейчас. Еще в большей мере это относится к его монографии «Египетская литература» (Пг., 1920) — первой попытке дать общий обзор предмета. Как и все другие исследования Б. А. Тураева, эта книга построена на множестве источников, блестяще переведенных и интерпретированных автором. Многие отрасли науки о древнем Востоке нашли в Б. А. Тураеве одного из своих пионеров. Так, едва ли не раньше всех в отечественной науке он обратился к истории хеттов («К истории хеттского вопроса», СПб., 1900), изучал материал по древностям Эфиопии (Мерое, Напата). Ученики Б. А. Тураева успешно работали в советской науке, обогатив ее ценнейшими исследованиями (акад. В. В. Струве, М. Э. Матье и др.).

Возвращаясь к античности, заметим, что с последней четверти XIX в. академические занятия классической древностью тоже приобретают надежную устойчивость и размах. Новый этап в развитии академического антиковедения был связан с формированием русской эпиграфической школы, в русле которой осуществилось в высшей степени плодотворное слияние филологии и истории. Зачинателями этого нового направления явились профессора Петербургского университета и сотрудники Академии наук Ф. Ф. Соколов, И. В. Помяловский и П. В. Никитин.

Ф. Ф. Соколов, начав с изучения древнейшей истории Сицилии и гомеровского вопроса, в 70-х годах обратился к эпиграфике, которая затем стала исключительным предметом его занятий. Откликаясь на новые эпиграфические находки, Соколов в своих статьях¹⁰ затрагивал самые разнообразные вопросы древнегреческой истории, в особенности стремясь к уточнению хронологической канвы событий. Соколова по праву можно считать отцом классической эпиграфики в России, не только потому, что он одним из первых дал образцовые исследования в этой области, но и потому, что он подготовил плеяду блестящих русских эпиграфистов. Другим архететом русской эпиграфики был И. В. Помяловский. В своих «Эпиграфических этюдах» (СПб., 1873) он представил результаты изысканий в весьма своеобразной области латинской эпиграфики, исследовав магические заговоры и надписи римских колумбариев. Составленный им образцовый «Сборник греческих и латинских надписей Кавказа» (СПб., 1881) предвосхищал знаменитый труд В. В. Латышева. Наконец, П. В. Никитин одним из первых обратился к изучению найденных на Афинском акрополе надписей, относившихся к устройству сценических состязаний.

¹⁰ Собраны в посмертном издании: «Труды Ф. Ф. Соколова», СПб., 1910.

Задолго до А. Вильгельма Никитин великолепно обработал этот материал в монографии «К истории афинских драматических состязаний» (СПб., 1882).

С приходом в Академию наук на рубеже XIX—XX вв. целого ряда блестящих эпиграфистов победа историко-филологического направления стала очевидной. Питомцы «соколовской школы» академики В. К. Эрнштедт, В. В. Латышев, А. В. Никитский, Н. И. Новосадский и С. А. Жебелев в своих исследованиях дали непревзойденные образцы точного филологического анализа, имеющего своей главной целью создание надежной основы для реконструкции исторического факта. Старший из этой славной плеяды В. К. Эрнштедт довольно рано обратился к палеографии и стал одним из лучших знатоков греческих рукописных сводов, для остальных же был характерен преимущественный интерес именно к эпиграфике. Велико было значение научной деятельности академика В. В. Латышева. Им был осуществлен поистине титанический труд — издание полного собрания античных надписей Северного Причерноморья («*Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*» (IOSPE) 3 тома, СПб., 1885—1901). В рамках этого издания было опубликовано свыше 1200 греческих и латинских надписей, все снабженные великолепным филологическим и историческим комментарием. Выпущенный с учетом всех требований строгой науки, труд В. В. Латышева был высоко оценен как в России, так и за рубежом. «В нем мы имеем свой *corpus*, занимающий место наравне с лучшими изданиями подобного рода на Западе» — писал позднее В. П. Бузескул¹¹. Стараниями В. В. Латышева русские историки древности получили в свое распоряжение и другое замечательное пособие — собрание свидетельств античных авторов, имеющих отношение к истории Северного и Восточного Причерноморья («*Scythica et Caucasica*», 2 тома, СПб., 1890—1906). Для исследователей истории античного Северного Причерноморья эти своды В. В. Латышева, как и его многочисленные статьи и книги, остаются основополагающими в самом точном смысле слова и в наше время.

Выдающимся эпиграфистом был академик А. В. Никитский. Его диссертации — «Дельфийские эпиграфические этюды» (Одесса, 1894—1895) и «Исследования в области греческих надписей» (Юрьев, 1901) внесли крупный вклад в дело изучения надписей Центральной Греции. От эпиграфики отталкивались также и двое других представителей «соколовской школы» Н. И. Новосадский и С. А. Жебелев, научная деятельность которых началась еще до революции, а затем с успехом продолжалась после Октября. Н. И. Новосадский положил начало исследованию древнегреческой религии¹². С. А. Жебелев, непосредственно продолжая традиции своего учителя, исследовал запутанную хронологию Афин и Греции в эллинистический период (диссертации «Из истории Афин, 229—31 годы до Р. Хр.», СПб., 1898 и «АХАЙКА. В области древностей провинции Ахайи», СПб., 1903). Вместе с тем, подобно Латышеву, С. А. Жебелев рано обратился к изучению северопричерноморских древностей, от обзора отдельных памятников искусства и надписей постепенно переходя к систематическому изучению истории причерноморских полисов.

Историко-филологическое (эпиграфическое) направление, представленное именами Ф. Ф. Соколова и его учеников, безусловно, было наиболее значительным и плодотворным в академическом и вообще отечественном антиковедении конца XIX — начала XX в. Однако оно не было единственным; наряду с ним существовали и другие, которые характе-

¹¹ В. П. Бузескул, Всеобщая история..., ч. II, Л., 1931, стр. 136.

¹² Важнейшие монографии: «Элевсинские мистерии» (СПб., 1887), «Культовые капри в древней Греции» (Варшава, 1891), «Орфические гимны» (Варшава, 1900).

ризовались стремлением к более широкой интерпретации культурной и социальной жизни древнего мира. Видными представителями культурно-исторического направления, пришедшими в Академию наук в 90-е годы XIX в., были эллинисты, члены-корреспонденты Академии Д. Ф. Беляев, Ф. Г. Мищенко и Ф. Ф. Зелинский. Работы Д. Ф. Беляева открыли ряд непрекращающихся и донные исследований, посвященных анализу социальных и политических воззрений Еврипида. Ф. Г. Мищенко дал новые переводы Страбона, Геродота, Фукидида и Полибия, чем, безусловно, содействовал развитию источниковедческих занятий, равно как и популяризации античного литературного наследия. Большое значение имела также научная и популяризаторская деятельность Ф. Ф. Зелинского. Его лекции и статьи, не свободные, впрочем, от модернизаторских и субъективистских увлечений, пользовались в свое время большим успехом (основная часть этих статей была позднее объединена и переиздана самим автором в сборнике «Из жизни идей», 4 тома, СПб., 1905—1922). Зелинский также перевел на русский язык трагедии Софокла, под его же редакцией вышел в свет выполненный И. Ф. Анненским перевод Еврипида.

Культурно-историческое направление в историографии древнего Рима было представлено членами-корреспондентами Академии наук И. В. Цветаевым, Ю. А. Кулаковским, И. В. Нетушилом, Г. Э. Зенгером. В частности, И. В. Цветаев много занимался изучением истории образования в древнем Риме (монография «Из жизни высших школ Римской империи», М., 1902). Ю. А. Кулаковский исследовал отдельные вопросы социальной, экономической и культурной жизни древнего Рима (наделение ветеранов землей и военные поселения в Римской империи, армия в римском государстве, коллегии, косвенные налоги, разработка рудников и пр.).

Примечательным было усиление интереса к социально-экономической истории древности. Здесь следует отметить работы Р. Ю. Виппера («Очерки истории Римской империи», М., 1908) и М. И. Ростовцева («История государственного откупа в Римской империи», СПб., 1899; «*Studien zur Geschichte des römischen Kolonates*», Lpz — B., 1910). М. И. Ростовцев внес существенный вклад и в изучение античного Причерноморья. Среди его многочисленных исследований в этой области выделяются два труда, сохраняющие свое значение и в наше время: «Античная декоративная живопись на юге России» (2 тома, СПб., 1913—1914) и «Скифия и Боспор» (обзор литературной и археологической традиции по истории Северного Причерноморья, изданный уже в 1925 г.).

Особое место в ряду дореволюционных исследователей классической древности занимает В. П. Бузескул. Это был представитель всеобщей истории в широком смысле слова, хотя, бесспорно, его главные интересы были связаны с историей древней Греции. Здесь его привлекали преимущественно вопросы политической истории, источниковедения и историографии. Он начал с изучения деятельности вождя афинской демократии Перикла («Перикл», Харьков, 1889), одним из первых откликнулся на публикацию «Афинской политики» Аристотеля («Афинская политика Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V века», Харьков, 1895), дал общий очерк развития демократии в Афинах («История афинской демократии», СПб., 1909). В его лице академическое антиковедение нашло замечательного историографа, с энтузиазмом изучавшего истоки нашей науки в древности и ее развитие в новое время («Введение в историю Греции», Харьков, 1903 и последующие работы).

В целом роль и значение академической науки древней истории на рубеже XIX — XX вв. были весьма значительны. Академия играла ведущую роль в организации важнейших научных предприятий. Через

нее осуществлялись также систематические контакты с виднейшими представителями и центрами науки древней истории на Западе (иностранными членами-корреспондентами Академии наук были, в частности, П. Фукар, Г. Буассье, У. Келер, У. Виламовиц-Меллендорф и др.).

Победа Великой Октябрьской социалистической революции знаменовала начало нового и более высокого этапа развития во всех областях исторического знания. Под воздействием революционной обстановки, новых для академической науки марксистских идей произошел коренной сдвиг и во взглядах историков древности на предмет, цель и задачи своей работы, на методы изучения древней истории, на относительную значимость отдельных периодов и проблем.

Перелом совершался не только в мировоззрении ученых; решительной перестройке подверглись также и организационные формы научной жизни. Отечественная наука древней истории впервые получила надежную и прочную основу в виде исследовательских институтов с большими коллективами сотрудников, чей труд был объединен и координирован наличием единого плана. Не будет преувеличением сказать, что именно академической науке принадлежала ведущая роль в выработке общей марксистской концепции древней истории и в определении важнейших путей исследования.

Эта основополагающая работа была выполнена Академией наук в тесном контакте с Государственной (до 1926 г. — Российской) Академией истории материальной культуры (РАИМК — ГАИМК), образованной в 1919 г. по инициативе акад. Н. Я. Марра взамен прежней Археологической комиссии. Примыкавшая к Академии наук Академия истории материальной культуры в 20-х и 30-х годах стала крупнейшим в нашей стране центром занятий древней историей. Ее сотрудниками были и старые академики и новые ученые, приобретшие известность как раз в эти годы. Для всех них, независимо от возраста и ученых заслуг, ГАИМК стала высшей научной школой; именно здесь совершился переход отечественной науки древней истории на марксистские рельсы. Позднее (в 1937 г.) ГАИМК вошла в состав Академии наук в качестве Института истории материальной культуры (ныне Институт археологии). Фактически же в рамках ГАИМК с самого начала готовились кадры для будущих академических институтов. Их нынешние секторы древней истории — тоже родные детища этого учреждения.

Говоря об академических занятиях древней историей в первые послеоктябрьские годы, необходимо упомянуть добрым словом выдающихся представителей старшего поколения, которые олицетворяли собою живую связь старой русской науки с нарождавшейся советской наукой древней истории.

В секциях ГАИМК работали крупнейшие представители русской академической науки. Достаточно сказать, что С. Ф. Ольденбург руководил секцией археологии и истории Индии и Дальнего Востока, В. А. Бартольд — секцией Средней Азии (в обеих разрабатывались отдельные проблемы древневосточной истории); Н. Я. Марр, о котором уже упоминалось, осуществлял также сотрудничество с учеными Кавказского института Академии наук. Из антиковедов в первую очередь нужно назвать С. А. Жебелева.

Для первых революционных лет характерно появление ряда научно-популярных пособий, в которых тогда ощущалась большая нужда. Выходит в свет (посмертно) очерк Б. А. Тураева «Древний Египет» (Пг., 1922), где много внимания уделяется истории культуры. Вслед за тем ученики покойного академика — В. В. Струве и Н. Д. Флиттнер — переиздают со своими дополнениями первый том его «Истории древнего Во-

стока»¹³. К составлению научно-популярных пособий обращаются В. П. Бузескул и С. А. Жебелев. Бузескул, в частности, издал в переработанном виде прежние свои монографии «Афинская демократия» (Харьков, 1920) и «Перикл» (Пг., 1923). Тогда же им была написана популярная работа по истории археологических исследований: «Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира» (2 части, Пг., 1924). Сознательно руководствуясь стремлением подвести итог достижениям дореволюционной русской науки и передать ее опыт новому поколению исследователей, Бузескул задумал и в значительной степени осуществил большой труд по истории науки всеобщей истории в России. Два выпуска этой работы были изданы позднее Академией наук в «Трудах Комиссии по истории знаний» под заглавием: «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» (Л., 1929—1931). Во вступлении к первому тому автор писал: «Пережитые годы и события составляют грань и в развитии нашей науки. Мы вступили в новый период исторической жизни... И естественно теперь попытаться подвести итог прошедшей работе, взглянуть, какими путями и в каком направлении шли у нас изучение и разработка всеобщей истории, что и кем сделано, каковы были здесь достижения в прошлом. Несмотря на существенные недостатки (фактологический характер и общий объективистский тон изложения) эта работа до сих пор остается единственной в своем роде попыткой дать полный обзор дореволюционной русской историографии всеобщей истории. С. А. Жебелевым также было издано несколько популярных книг по античной истории и археологии: «Древняя Греция» (2 части, Пг., 1920—1922), «Древний Рим» (2 части, Пг., 1922—1923), «Введение в археологию» (2 части, Пг., 1923). Но особое значение имела деятельность Жебелева в ГАИМК. Здесь в его лице молодое поколение советских историков получило превосходного наставника, который стремился привить своим ученикам строго научный метод исследования; здесь и сам Жебелев вошел в круг новых идей и представлений, что отразилось на его позднейших работах.

В стенах ГАИМК были сделаны первые попытки создать новую марксистскую концепцию древней истории. Они не были свободны от серьезных недостатков и даже ошибок; древнюю историю правомерно старались объяснить прежде всего с точки зрения социально-экономической, но при этом не учитывали специфичности древневосточной и античной экономики. «Поспешное определение древневосточных обществ как феодальных», как писал впоследствии В. В. Струве (ВДИ, 1938, № 1, стр. 21) приводило к эклектическим модернизаторским построениям; подобные же заблуждения допускались и антиковедами, сближавшими классическую древность и с феодализмом, и даже с капитализмом. Влияние модных в предреволюционные годы концепций циклизма еще не было преодолено.

В этой связи следует упомянуть труды одного из первых отечественных антиковедов-марксистов А. И. Тюменева. Уже в начале 20-х годов Тюменевым были изданы трехтомные «Очерки экономической и социальной истории древней Греции» (Пг., 1920—1922). «Слабая сторона этой работы, — вспоминал позднее сам автор, — заключалась в том, что рабовладельческий характер общественного строя признавался присущим только древней Греции и возникшим в силу специальных обстоятельств, но не связывался с определенной стадией развития, с определенной формацией»¹⁴. И все-таки значение этой работы было весьма велико. Она служила своего

¹³ Б. А. Тураев, Классический Восток, I, Л., 1924.

¹⁴ А. И. Тюменев, Изучение истории древней Греции в СССР за сорок лет (1917—1957 гг.), ВДИ, 1957, № 3, стр. 29.

рода предупреждением против некритического восприятия циклистских концепций нашими молодыми учеными.

Решающую роль в деле преодоления модернизаторских конструкций и выработки правильного взгляда на характер древних обществ сыграло опубликование в 1929 г. лекции В. И. Ленина «О государстве», в которой даны примеры приложения марксистской методологии к проблемам древней истории, четко показан ход развития человеческого общества. Развернувшиеся вслед за тем в 30-е гг. среди антиковедов и историков древнего Востока дискуссии об общественно-экономических формациях содействовали углублению интереса к теоретическим вопросам.

Особенно бурными были споры о характере обществ древнего Востока. Теория древневосточного феодализма все меньше удовлетворяла историков. Но преодоление ее потребовало огромной работы, большая часть которой пришлось на долю В. В. Струве. Глубокий специалист, автор скрупулезно выполненных публикаций и тончайших конкретных исследований, он со всей страстью обратился в эти годы к теоретическим проблемам. После дискуссии «об азиатском способе производства в высказываниях Маркса и Энгельса», не давшей удовлетворительного ответа на поставленные в ней вопросы, В. В. Струве в докладе, прочитанном в ГАИМК в 1932 г. выдвинул новую точку зрения. Критикуя попытки решать исторические вопросы в отрыве от источников, В. В. Струве высказал убеждение, что на древнем Востоке преобладающей формой классового угнетения было рабство. В следующем году он подготовил уже большой, фундированный материалом источников доклад «Проблемы зарождения, развития и упадка рабовладельческого общества древнего Востока» (ИГАИМК, вып. 77, 1934). Единое целое с этой работой составили «Очерки социально-экономической истории древнего Востока» (ИГАИМК, вып. 97, 1934). Так, от доклада к докладу, от публикации к публикации, совершенствуясь в ходе обсуждения, изложение концепции В. В. Струве вырастало в общий курс истории древнего Востока, первый краткий вариант которого был издан в том же 1934 г. Взгляд на древневосточные общества как на рабовладельческие, поддержанный такими учеными как С. И. Ковалев, Д. А. Ольдерогге, Ю. Я. Перепелкин, А. В. Мишулин, В. И. Авдиев и другие, получал все более широкое признание.

У историков классической древности новый — более четкий и более правильный — взгляд на античность как на особую стадию в развитии человеческого общества нашел свое отражение в книге акад. А. И. Тюченева «История античных рабовладельческих обществ» (ИГАИМК, вып. 111, 1935). Это был первый в советской историографии обобщающий труд по античной истории, написанный с последовательно марксистских позиций.

Тенденции к сближению марксистской теории с конкретным исследованием древности можно проследить и на работах других советских антиковедов — сотрудников ГАИМК. Свидетельством глубокого изучения теории специалистами являются, в частности, и работа С. И. Ковалева «Учение Маркса и Энгельса об античном способе производства» (ИГАИМК, т. XII, вып. 9—10, 1932) и подготовленная им хрестоматия «К. Маркс и Ф. Энгельс об античности» (Л., 1932). Нет недостатка и в примерах, иллюстрирующих начало углубленного изучения отдельных, наиболее важных аспектов древней истории с марксистских позиций. Общей характеристике экономической жизни и экономической структуры древних обществ были посвящены работы А. В. Мишулина «О воспроизводстве в античной рабовладельческой формации» (ИГАИМК, т. XIII, вып. 4—7, 1932) и С. И. Ковалева «Об основных проблемах рабовладельческой формации» (ИГАИМК, вып. 64, 1933), рабовладению и сельской общине на древнем

Востоке — Н. М. Никольского и В. И. Авдиева; истории ремесла — И. М. Лурье и Н. А. Шолпо. Было начато исследование своеобразных форм зависимости, сложившихся в ранний период греческой истории, — спартанской илотии, фессалийской пенестии, афинской издольщины (В. В. Струве, Р. В. Шмидт, К. М. Колобова), конкретных вопросов античной техники (Б. Л. Богаевский, Р. В. Шмидт) и т. д. Изучению классовой борьбы в древности способствовали работы академика С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» (ИГАИМК, вып. 70, 1933) и — написанная совместно с С. И. Ковалевым — «Великие восстания рабов II—I вв. до н. э. в Риме» (в кн. «Из истории античного общества», ИГАИМК, вып. 101, 1934, стр. 130—180). К теме рабских восстаний обратились и другие исследователи (А. В. Мишулин, О. О. Крюгер).

Дальнейшие успехи советской науки древней истории были обусловлены теми важными решениями по вопросам образования и науки, которые были приняты Коммунистической партией и Советским государством в середине 30-х годов. Введение курсов древней истории в школах и в высших учебных заведениях и создание кафедр древней истории на вновь открытых исторических факультетах в Московском и Ленинградском университетах дали возможность систематически готовить необходимые преподавательские и научные кадры. Вместе с тем учреждение в системе АН СССР Института востоковедения (1930 г.), Института истории (1936 г.) и Института истории материальной культуры (1937 г.) подвело надежную базу под научные занятия древней историей. С 1937 г. Академией наук стал издаваться журнал «Вестник древней истории».

Среди достижений тех лет, которые должны быть записаны в актив академической науки, выделяется прежде всего коллективное предприятие, осуществленное под руководством С. И. Ковалева, — издание фундаментальной «Истории древнего мира» (3 тома, Соцэкгиз, 1936—1937). Первый том этого издания составила «История древнего Востока», написанная академиком В. В. Струве, — труд, которому суждена была долгая жизнь в качестве основного университетского пособия. Два последующих тома составила «История древней Греции», написанная при участии академиков С. А. Жебелева и А. И. Тюменева.

Издание такого обобщающего труда, естественно, предполагало наличие достаточно основательных заделов в марксистской разработке отдельных исторических тем. И действительно, с середины 30-х годов увеличивается публикация монографических исследований, касающихся кардинальных проблем древней истории. Экономике древних обществ были посвящены коллективные труды, изданные ГАИМК: хрестоматия «Античный способ производства в источниках» (ИГАИМК, вып. 78, 1933) и сборники статей «Из истории материального производства античного мира» (ИГАИМК, вып. 108, 1935); «Очерки истории техники докапиталистических формаций» (Л., 1937); «Очерки по истории техники древнего Востока», под ред. В. В. Струве (М.—Л., 1940). Следует отметить статьи А. И. Тюменева о царском и храмовом хозяйстве в Шумере, первые ассириологические работы И. М. Дьяконова, серию статей М. Е. Сергеевко о древней агрономической науке и итальянском сельском хозяйстве. Сложные вопросы истории идеологии и религии разрабатывались для древнего Востока Ю. П. Францовым, М. Э. Матье, И. Л. Снегиревым и др. К исследованию раннехристианской литературы обращается акад. Р. Ю. Виппер.

Нельзя не отметить большого вклада ученых Академии наук в исследование древних литератур и письменностей, истории культуры. Здесь должны быть упомянуты иранисты акад. К. А. Иностранцев и чл.-корр. АН СССР А. А. Фрейман, коптолог чл.-корр. АН СССР П. В. Ернштедт,

индологи академики А. П. Баранников и Ф. И. Щербатский, синологи академики В. М. Алексеев и Н. И. Конрад, антиковеды акад. М. М. Покровский, акад. И. И. Толстой, чл.-корр. АН СССР С. И. Соболевский.

Более активной стала разработка сравнительно новых конкретноисторических тем. Так, проблемам крито-микенской культуры была посвящена большая дискуссия, организованная Академией наук в 1940 г. (см. ВДИ, 1940, № 2, стр. 204 сл.). Важным результатом этой дискуссии было признание классового характера этой цивилизации, сложившейся во II тыс. до н. э.

Стараниями Академии наук оживляется работа археологов и историков — исследователей античного Северного Причерноморья. Археологические экспедиции, организуемые Академией наук, вели планомерные раскопки. Материалы, добытые этими экспедициями, дали новый толчок научной мысли. При этом внимание исследователей и здесь было обращено в первую очередь на проблемы социально-экономического развития древних причерноморских городов. Характерны были с этой точки зрения статьи академика С. А. Жебелева: «Основные линии экономического развития Боспорского государства» (ИАН ООН, 1934, № 8, стр. 589—607 и № 9, стр. 661—679) и «Херсонесская присяга» (ИАН ООН, 1935, № 10, стр. 913—939) — блестящие образцы конкретноисторических исследований, направленных на выяснение основных тенденций социального, экономического и политического развития греческих колоний, расположенных в Северном Причерноморье.

Быстро развивается изучение древних обществ других районов нашей страны. Большие успехи делает кавказоведение, в частности урартология. Вслед за исследованиями отдельных памятников и отдельных вопросов в трудах акад. И. И. Мещанинова, акад. Г. А. Капанцяна и других появляются первые — сначала краткие — очерки истории государства Урарту (В. В. Струве, Б. Б. Пиотровский, Г. А. Капанцян). Успешно работает школа исследователей древней истории Грузии во главе с академиком И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа. Вопросы истории древней Армении разрабатывает акад. Я. А. Манандян.

Все более интенсивным становится изучение далекого прошлого народов Средней Азии, сочетающее археологические исследования с изучением письменных памятников (работы С. П. Толстова, К. В. Тревер, А. Якубовского, М. Е. Массона и др.).

В годы Великой Отечественной войны советская наука древней истории понесла тяжкие утраты: умерли в блокированном Ленинграде академики П. К. Коковцов и С. А. Жебелев, погибли многие талантливые ученые, ушедшие на фронт, временно приостановилось издание «Вестника древней истории». Однако работа институтов Академии наук СССР не прекращалась.

После окончания Отечественной войны комплексное изучение истории и культуры древнего мира не только возобновляется, но и приобретает невиданные ранее размах и целенаправленность. В эти послевоенные годы советская историческая наука выступает на широкой международной арене, завоевав общее признание в социалистических странах и укрепляя свое влияние на прогрессивных ученых в капиталистическом мире. Но, переходя к обзору этого периода, т. е. переходя к современности, к нашим дням, целесообразно, пожалуй, сосредоточить внимание не на деятельности отдельных ученых, которая часто еще далека от завершения, а на характеристике основных направлений научно-исследовательской работы в академических учреждениях.

Изучение древней истории и культуры в Академии наук СССР сконцентрировано в соответствующих отделах и секторах Института всеоб-

щей истории, Института Востоковедения, Института Археологии, а также в институтах Академий союзных республик. В 1946 г. возобновляется издание «Вестника древней истории», журнала, объединяющего силы всех специалистов нашей страны в области древней истории. Несколько позже, в 1957 г., возникает по инициативе Академии наук ЧССР международное общество «Эйрене», ставящее своей целью объединение ученых-антиковедов социалистических стран. Советские ученые входят в это общество и в состав его руководящих органов. Общество «Эйрене» провело уже двенадцать международных конгрессов с участием советских ученых и выпустило 10 томов ежегодника того же названия.

За послевоенные годы вышел в свет ряд крупных коллективных трудов обобщающего характера. Таковы два первых тома «Всемирной истории», (М., 1955—1956), посвященные истории стран древнего Востока и античного общества, а также коллективный труд «Древняя Греция» (М.—Л., 1956). Следует назвать и ряд серийных изданий: серии монографий «Причерноморье в античную эпоху» (1951—1959, всего — 10 выпусков) и «Исследования по истории рабства в античном мире» (с 1963). Эта последняя еще не может считаться завершенной (по настоящее время в свет вышло семь томов). Все труды этой серии переводятся на немецкий язык и издаются в Федеративной Республике Германии. Готовится к печати и в ближайшее время выйдет в свет коллективный труд «История древнего Востока» (в трех томах).

Однако названными работами далеко не исчерпывается проблематика изучения истории древних обществ. Ряд тем и направлений давно и успешно разрабатывается монографически. На первом месте и здесь стоит социально-экономическая проблематика. Вышедшие за последние два десятилетия монографии трактуют проблемы античной формы собственности, форм эксплуатации, ряд работ посвящен изучению античного полиса, его кризису. Проблема падения античного рабовладельческого общества была предметом широкой дискуссии, развернувшейся в свое время на страницах «Вестника древней истории». Большим вниманием советских историков античности пользуются провинции Римской империи; в изучении их истории достигнут заметный прогресс.

В последнее время многие советские историки-антиковеды обратились к проблемам идеологии и культуры. Диапазон подобных исследований достаточно широк: от греческой натурфилософии до идеологических проблем, связанных с историей раннего христианства. Изучение этого круга вопросов приобретает в наше время особенно актуальное значение благодаря научному освоению замечательных находок: рукописей Мертвого моря (Вади-Кумран) и из Наг-Хаммади. Нельзя не сказать о стойком (и давнем) интересе советских исследователей к микенологическим проблемам, а в более позднее время — к изучению истории и культуры Ахейской Греции.

За послевоенные годы развилось и достигло небывалых до этого времени масштабов научное обследование того периферийного района античного мира, который непосредственно связан с истоками нашей отечественной истории — Северного Причерноморья. Ведущая роль академической науки здесь выступает особенно ярко. Археологические экспедиции, снаряжаемые Академией наук СССР, из года в год ведут раскопки на местах античных поселений и некрополей. Материалы этих раскопок и результаты исследований систематически публикуются как в «Вестнике древней истории», так и в специально археологических изданиях («Советская археология», «Материалы и исследования по археологии СССР» и т. д.). Сотрудниками АН СССР и республиканских академий подготовлен ряд крупных монографических исследований, посвященных античным

городам Причерноморья. Дальнейшее развитие получает кавказоведение (особенно важен свод урартских надписей, составленный акад. Г. А. Меликишвили) и изучение Средней Азии (в частности, кушанской проблемы).

Следует упомянуть и об издании переводов сочинений античных авторов. За послевоенные годы увидели свет в серии «Литературные памятники» новые переводы произведений Ксенофонта, Демосфена, Плутарха, Катона, Цицерона, Цезаря, Тацита, Светония, Аполлодора; в серии «Классики науки» — Лукреция, Феофраста, Страбона; в «Памятниках исторической мысли» — Геродота. В своих приложениях ВДИ регулярно публикует не переведившиеся до сих пор на русский язык (или переведенные в XVIII в.) произведения античных авторов.

Таким образом, широта размаха и результативность изучения древней истории в Академии наук — очевидны. Наряду с осуществлением научных исследований, в Академии наук ведется большая организационная работа по координации усилий различных учреждений и отдельных исследователей, работающих в области древней истории. В этом отношении положительную роль играют регулярно проводимые Институтом всеобщей истории АН СССР и «Вестником древней истории» общесоюзные авторско-читательские конференции, на которых достигается объединение ученых, представляющих как Академию наук, так и университеты, педагогические институты, музеи и становится возможной выработка совместных перспективных решений и планов. Академия наук осуществляет и развивает также контакты с родственными научными центрами за рубежом. Можно смело сказать, что нет такой исследовательской или организационной области, в которой академическая наука не играла бы ведущей роли. Это утверждение применимо как к развитию исторической науки в нашей стране в целом, так и, в частности, к изучению истории древнего мира.
